

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

СССР в народной памяти

В памяти нынешнего старшего поколения россиян СССР помнится как нечто великое и уже потому – прекрасное. И хотя период сталинских репрессий признается ужасным или достойным сожаления, а слово «ГУЛАГ» имеет только отрицательные коннотации, эти грехи отечественной истории искуплены великой Победой. Она есть величайшее событие, и по большому счету ничего другого в памяти можно не держать. Ниже последуют несколько замечаний относительно памяти о СССР, сделанных по результатам групповых дискуссий и массовых опросов «Левада-центра»¹.

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

006

ЧЕГО НЕ ПОМНЯТ?

Не помнят, именно что отмечаемое событие – создание СССР. В массовой памяти СССР возникает прямо из Российской империи как результат октябрьской революции, имидж которой к ее столетию испытал значительную эрозию. Мнения о положительной роли октябрьской революции в российской истории во второй половине 2010-х придерживались уже менее половины взрослых россиян. 45% считали приход большевиков к власти незаконным, 35% – законным. Но получившийся в результате Советский Союз воспринимается как безусловно положительное историческое явление, его власть законна, претензии легитимны.

В памяти нынешнего поколения присутствуют гражданская война и интервенция, а вот появление в те годы самостоятельных национальных образований, например, в Украине и на Кавказе, помнят плохо. Образование самостоятельных республик на востоке бывшей Российской империи вспоминают там, но не в центральной России. До недавнего времени не помнили про отделение Финляндии и Польши, прибалтийских стран. Сейчас вспоминают не то, что они не вошли в состав СССР, а то, что они были в составе империи. И это вроде как дает нынешней России какие-то «права» на них.

Не все помнят, что до СССР была РСФСР, не все теперь могут расшифровать эту аббревиатуру. Не помнят, что Российскую республику, каковой она стала после февральской революции, называли «социалистической», потому что таковой сочли октябрьскую революцию; «советской» – потому что власть в ней должна была находиться в руках Советов, а не Учредительного собрания; «федеративной» – отдавая дань стрем-

лению отдельных провинций и народов бывшей империи к хоть какой-нибудь автономии.

Полностью вытеснена память о том, что большевики сперва считали октябрьские события началом мировой революции, которая виделась как единомоментное восстание пролетариев всех стран (что и подразумевал обращенный к ним призыв «Соединяйтесь!»). Когда это не получилось, мировую революцию стали представлять как череду победоносных восстаний в разных странах Европы и Азии, начатых большевистским переворотом в Петрограде. Потом замысел трансформировался в идею о том, что это будут восстания «навстречу» экспансии России: мировую революцию понесет на штыках Красная армия. Забыто, таким образом, что идеология российских большевиков (наверное, прежде всего Троцкого) была «упакована» в слова о классовой борьбе и мировом господстве, устанавливаемом вооруженной силой – то есть путем агрессии.

Несмотря на то, что на восточных и южных окраинах Российской империи господствовали, как было ясно любому марксисту, феодальные отношения и никакого пролетариата не было, пролетарскую диктатуру там жестоким образом устанавливали именно под лозунгами классовой борьбы. С ними же были начаты кампании в Финляндии и Польше, где война была воспринята не как классовая, а как обычная колониальная и национально-освободительная. Ожидавшихся восстаний местных пролетариев не последовало, а вот биться за желанную независимость тяготившиеся российским самодержавием поляки и финны были готовы.

Ослабевшей метрополии пришлось тогда признать их независимость. Российским большевикам оставалась все

равно самое большое по территории государство, и они перешли к «построению социализма в одной отдельно взятой стране». Впереди была интервенция и блокада, затем концепция СССР как осажденной крепости, по сути воспроизведенная после присоединения Крыма в 2014 году. Это помнят. А о том, что вторая попытка вернуть финские и польские земли была сделана накануне Второй мировой войны, помнят плохо. Впрочем, финскую кампанию многие стали вспоминать, видя, как идут дела после февраля 2022-го.

Поводы для сожаления

О распаде СССР сперва сожалели две трети, потом три четверти, затем около половины россиян. Когда мы говорим с теми, кто сожалеет о распаде СССР, они называют два основных повода для этого.

Первый повод: утрата статуса настоящей великой мировой державы. Безусловно великие англосаксы Черчилль и Рузвельт принимали Сталина как равного – значит, уважали, то бишь боялись. Нас и сейчас боятся, но как-то не так, без должного уважения. Когда говорят о «развале СССР как геополитической катастрофе», то имеют в виду распад соцлагеря, Варшавского блока, пояса республик вокруг России – словом, тех концентрических колец обороны (с проходами-шлюзами в них), что вслед за русским средневековым самодержцем выстроил вокруг крепости Кремль находившийся в ней Иосиф Сталин.

Говорят, что Путин копирует Сталина. Это и так, и совсем не так. Приняв из рук Ельцина Россию в странном для нее состоянии не-вражды с ближним и дальним зарубежьем, Путин, следуя вро-

де бы Сталину, тоже воссоздал вокруг России вал, но только не из послушных вассалов-друзей-сателлитов, а из врагов. (Из шестнадцати государств, с которыми у России есть сухопутная или морская граница, безусловно дружественной россияне считают только Беларусь.) Это кордон из небольших, не опасных для гиганта России стран, но союзных не ей, а тому, кто считается настоящим «врагом» – США. При этом с лидерами больших стран Запада, находящихся за бором недружественных малых стран-соседей, Путин заводил самые теплые отношения. С Берлускони и Саркози, с Меркель это получилось. С Трампом сорвалось.

Впрочем, эта странная конструкция в прошлом – Крым все перестроил. Образ Сталина 1930-х, когда страна социализма высилась одиноко, как утес, и служила ему пьедесталом, может быть, и виделся Путину после весны 2014 года, но уже не был нужен. Крымская эйфория и 89% одобрения, восхищение «самым вежливым человеком» и его «самыми вежливыми людьми» – без какого-либо насилия над российской общественностью – это не повтор сталинского культа, это нечто новое. А слабые соседи потянулись в НАТО («Сталин бы такого не допустил», – недовольно говорят иные респонденты).

Крымская история исключительно интересна тем, что россияне обнаружили готовность годами жить не тужить в моральной изоляции, в состоянии бойкота. Сейчас, когда моральное осуждение обернулось настоящей блокадой для мобильной части российского общества, картина стала иной. Но сторонников автаркии и поборников мысли, что весь мир – нам враги, в российском обществе очень много.

Второй повод для сожалений о распаде СССР лучше всего выражен в мас-

совом желании восстановить пионерскую организацию и/или комсомол. О восстановлении КПСС при этом речи нет – то есть нужна не политико-идеологическая составляющая, а что-то иное. Люди вспоминают, как их родители или бабушки с умилением говорили о пионерии, они хотят, чтобы возрожденный аналог пионерской организации был всероссийским и не ограничивался бы в своей деятельности лишь созданием

«хорошего коллектива» для их ребенка и летними поездками в пионерский лагерь, желательно в Крым, под надзором вожатого. За умильными вздохами стоит тоска по тоталитарному строю – только в мягком, детском варианте. Лайт, как говорится.

Завершая, скажем еще раз: СССР – самое дорогое, что есть в истории для большинства россиян. О его развале помнят. О его создании – нет.